

«Отец, тобой взлелеянное чадо, -
Шептали бледные ее уста, -
Благослови! О мать, моя отрада
(Нежней люблю лишь одного Христа),
Прости навек! Родимые места
Я покидаю, вашей ласки милой
Я больше не увижу до могилы.

Я уезжаю к варварам от вас,
Покорно вашу исполняя волю.
Мне тот, кто умер на кресте за нас,
Поможет с горькою смириться долей,
Хотя б томилась я от тяжелой боли.
Мы, женщины, для рабства рождены
И слушаться мужей своих должны».

Когда твердыня Илиона пала,
Когда разрушил Фивы супостат,
Когда теснили рати Ганнибала
Им трижды побежденный вечный град, -
Звучали стоны горестней навряд,
Чем при прощанье девы безутешной,
Все ж надо было в путь собираться спешно.

О твердь жестокая, чей бег дневной
Все увлекает к западу с востока
И твари всей, живой и неживой,
Велит покорствоваться велению рока!
Ты, при отплытье, в небесах высоко
Расположила хор созвездий так,
Что было ясно: Марс расстроит брак.

Извилистый восход, бедой чреватый,
С чьего пути в темнейший входит дом
Владыка часа, немощью объятый!
О Марс, о Атисар в стеченье том!
Луна, ты по небу скользишь тайком
Оттоль, где пребывала ты в покое,
Туда, где дверь закрыта пред тобою.

Ужели, император, ты не мог
Найти философа в своей столице,
Который бы вам день избрать помог?
Должны бы быть благоразумней, мнится,
Столь выдающегося сана лица.
Ведь гороскоп Констанцы знали вы.
Глуп смертный и невежествен, увы!

Принцессу, полную немой печали,
Торжественно на палубу внесли;
Ее уста чуть внятно прошептали:
«Христос вам дни счастливые пошли!»
И вот корабль отчалил от земли.
Прощай, Констанца! К своему рассказу,